

Виктор Кутуркин

Выигрыш в лотерею

*Избранные
произведения*

Виктор Кутуркин

**Выигрыш в лотерею.
Избранные произведения**

«Издательские решения»

Кутуркин В.

Выигрыш в лотерею. Избранные произведения / В. Кутуркин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938350-1

Жизнь каждого человека полна удивительных событий. Грустное и смешное идут рука об руку. И линия жизни многих из нас зачастую проходит по касательной к судьбам известных личностей. В книге с любовью и подкупающей искренностью собраны истории из жизни поколения, родившегося в пятидесятые годы. В этих простых, но интересных и близких каждому человеку событиях многие читатели наверняка узнают эпизоды из собственной биографии.

ISBN 978-5-44-938350-1

© Кутуркин В.
© Издательские решения

Содержание

Ленинград 50-х. Дом моего детства	6
Знакомство на даче	17
Учеба в кинотехникуме 1961—1965гг	19
Распределение в Боровичи	21
Служба в Заполярье	33
Служба в заполярной Гремихе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Выигрыш в лотерею Избранные произведения

Виктор Кутуркин

© Виктор Кутуркин, 2018

ISBN 978-5-4493-8350-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ленинград 50-х. Дом моего детства

Ленинград. Московский проспект дом 74. Обыкновенный доходный дом постройки 1913 года. Если войти во двор и повернуть налево, то вы увидите трехэтажный флигель на несколько квартир. В одну из коммуналок, расположенную на последнем этаже, меня и принесли мама с бабушкой из роддома. Отец нас бросил, так как появление ребенка в его дальнейшие планы не входило. Я мог бы вообще не появиться на свет, но бабушка настояла «ничего, дочка, вырастим!», за что я ей премного благодарен. Это был послевоенный 1947 год, и мы жили очень скромно, можно сказать – бедно. Коммунальная квартира состояла из трех комнат, кухни и длинного узкого коридора. Наша комната была большой – целых 16 метров, но один из углов занимала круглая печь, которую приходилось постоянно топить. Солнце никогда не проникало в комнату, потому что оба окна упирались в шестиэтажный дом напротив, отделявший нас от проспекта. Крыша нашего дома постоянно протекала и в комнате всегда была сырость. Вид из окна не радовал глаз – служебный вход в продовольственный магазин был в соседнем доме и к нему непрерывно подъезжали подводы. Недалеко, на Киевской улице, располагались Бадаевские склады, откуда на телегах, запряженных лошадьми, подвозились продукты.

В комнате мы жили вчетвером. Вместе с нами жил парализованный дедушка Егор Никитич. В 1938 году он забрал мою бабушку с дочкой из деревни, находящейся в Тульской губернии, и привез в Ленинград. Первый муж бабушки – отец мамы, замерз, возвращаясь с городской ярмарки в родную деревню, и они осиротели. Приехавшему в деревню погостить Егору Никитичу, приглянулась моя бабуля, и он взял ее замуж, несмотря на дочь от первого брака. Бабушка, Татьяна Никитична, была в деревне уважаемым человеком-председателем колхоза, и переезд в Ленинград дался ей нелегко. Но Егор, который был старше на два десятка лет, сумел ее уговорить. Так они оказались в Ленинграде. Дед работал начальником охраны на пищевом комбинате. Туда же он устроил и мою бабушку, а мама ходила в школу. Кроме основной работы у деда был надомный бизнес. Он «катал» валенки. К их изготовлению он привлек и бабушку. Работая сутки через трое, все свободное время она проводила за швейной машинкой Зингер, а готовые валенки дед продавал на барахолке. Когда началась война, они не эвакуировались,

так как комбинат продолжал работать. В страшную блокадную зиму 1941—42 года всем удалось чудом выжить. Весной 42 года бабушка и мама были отправлены на торфоразработки, где нормы хлеба были повыше, а от болезней спасались настоем еловых веток и огородом. Дед по возрасту и состоянию здоровья не попал в армию, но во время налетов тушил зажигалки. Во время одного из таких налетов он был ранен и стал инвалидом. Дед почти не говорил, правая рука его не работала, и он с трудом мог добраться до туалета. Ни горячей воды, ни ванны в нашей квартире не было. Целыми днями дед сидел на кровати, и помыть его было большой проблемой. Огромным ударом для семьи стала денежная реформа 1947 года, в результате которой дед потерял большую часть накопленных денег.

После окончания войны бабушка продолжала работать на комбинате, а мама устроилась на Бадаевские склады рабочей. Работала там она недолго, и, окончив курсы продавцов, перешла работать в магазин, расположенный напротив нашего дома. Он торговал продукцией молокозавода. Меня отводили в ясли, а с трех лет в детский садик на Смоленской улице. Помню следующее место маминой работы в кафе ДК имени Капранова. Но и там она отработала недолго, и следующим местом ее работы стал буфет в 373 школе на улице, которая сегодня называется улицей Коли Томчака.

Я ненавидел детский сад. Не помню, чтобы меня обижали ровесники, но мне доставалось от воспитателей. Зная, что у меня нет отца, за малейшую провинность меня наказывали и ставили в угол. Однажды мама задержалась на работе и забрала меня последним. Придя в садик, она увидела меня стоящим в углу и с разбитым носом, из которого текла кровь. Мама готова была разорвать дежурную воспитательницу и с тех пор в садик я не ходил. Но на лето меня вынуждены были отправлять вместе с садиком на дачу в Сиверскую. Я очень скучал и с нетерпением ждал, когда наступит родительский день и приедет мама. В воскресенье, после завтрака, вместе с другими детьми, я стоял у забора и следил за дорогой, ожидая маму или бабушку. А потом она забирала меня на весь день, мы гуляли вместе, а мама угощала меня чем-нибудь вкусным.

Однажды мы с ней забрели на военный аэродром, это я упросил маму подойти поближе к самолетам. Нас забрали и отвели к командиру. Я не на шутку испугался, но после выяснения нас отпустили. Этот эпизод до сих пор остался в памяти.

В сентябре начинался учебный год, и мама брала меня с собой на работу. Чтобы я не болтался бесцельно по школе, она отводила меня в школьную библиотеку. Замечательный человек, библиотекарь Галина Григорьевна, разрешала мне рыться в шкафах и брать любые книги. Я никогда не забуду, с каким наслаждением и интересом разглядывал сначала иллюстрации, а затем начал читать Пушкина, Толстого, Маршака, Михалкова, Бажова и Пришвина. Галине Григорьевне я обязан тем, что навсегда пристрастился к чтению.

Нашими соседями в коммуналке, занимавшими две крохотные комнаты по двенадцать метров, были старуха и молодая мать с дочкой. Кухня была местом постоянных скандалов и стычек. Поводом могли послужить не выключенный свет в уборной, открытая форточка на кухне или грязь в местах общего пользования. Выяснение отношений нередко переходило в рукопашную схватку, и тогда вызывался участковый милиционер. Детская память сохранила эти скандалы с соседями и напряженную обстановку в квартире. Себя я помню, начиная с четырех лет. Вот мы гуляем с мамой по проспекту, который тогда назывался именем Иосифа Виссарионовича Сталина. Если направиться от нашего дома направо, в сторону Обводного канала, то по пути будет два киоска Союзпечати. Равнодушно пройти мимо них я не мог. Прилипнув к стеклу, я внимательно изучал обложки выставленных на витрине книжек. Киоскеры меня знали и давали смотреть понравившиеся книжки. Игрушек у меня не было, но иногда, с полочки, мама могла купить мне недорогую книжку. Хорошо запомнил, как однажды мама не смогла купить очень понравившуюся мне книгу, она не взяла на прогулку деньги, и я устроил

настоящую истерику. Дело было зимой, я орал до самого дома, и, в результате, оказался в больнице с воспалением легких. С тех пор при малейшей простуде мне приходится лечить горло.

Вспоминаю двор нашего дома, ровесников, с которыми играл в казаки-разбойники, прятки, в войну, бегали по крышам деревянных сараев. Сарай, в котором находился запас дров на зиму, был у каждой семьи. В нашем сарае, кроме дров, стояла деревянная бочка с квашеной капустой, заготовленной на зиму. С трудом приходилось в морозные дни наскребать в кастрюлю капусты для приготовления щей. Не забыл, как самый старший из ребят, Валерка, пользуясь невнимательностью извозчика, воровал пустые бутылки из ящиков, которые грузили на подводу у магазина. Потом, сдавал украденное и покупал конфеты. Когда телега была пустой, извозчик катал нас до Бадаевских складов. Маршрут проходил по проспекту, затем по набережной Обводного канала и по Заозерной улице. Однажды, вооружившись палками, под командованием Валерки мы пошли бить мальчишек во двор дома 66, расположенный на углу Обводного канала и Московского проспекта. Разбившись на пары, мы фехтовали друг с другом, и только чудом обошлось без травм. С соседскими ребятами, из дома 78, мы бросались камнями, а зимой ледышками. Угрожая друг другу, мальчишки заявляли: «погоди, встретимся в школе». Все ходили в школу, расположенную в доме 80, но мы с мамой ездили в школу за четыре остановки от дома и эти угрозы на меня не действовали.

В середине пятидесятых годов продолжилась застройка этой части Московского проспекта. Был возведен, соседний с моим, ««сталинский» дом на Московском 72, и такой же красивый дом на Московском 75. Чуть позднее, выстроено полукруглое здание на углу Обводного канала и Московского проспекта, напротив Фрунзенского универмага. Вскоре появится более современный дом на Московском 73 – здесь будет жить в одной из квартир футбольный тренер Зенита и сборной СССР Павел Садырин. В шестидесятые годы построен жилой дом между улицами Смоленской и Киевской, в нем на первом этаже разместился продуктовый магазин Здоровье. Украсили облик проспекта и здания вестибюлей станций метро Московско-Петроградской линии.

В 373 школе меня знали все учителя и однажды директор, фамилия ее была Курындина, позвала меня в кабинет и провела подобие тестирования. В следующем году мне предстояло пойти в первый класс. Довольно бойко я прочитал текст, и выполнил арифметические действия. Мама мне говорила, что директор осталась очень довольна моими ответами, и в шутку, пообещала отправить меня сразу в третий класс.

В сентябре 1954 года я пошел учиться. Учеба давалась мне легко. Букваря у меня вообще не было. Когда на уроке чтения одноклассники складывали по слогам «мама мыла раму», я свободно читал Сказки Пушкина и Детство Горького. Первые пять классов я закончил с Похвальными грамотами. Мама не могла нарадоваться моими школьными успехами.

Не сомневаюсь в том, что память каждого из нас хранит воспоминания о школьных учителях. Мне повезло. В школе, где я учился, работали грамотные, достойные преподаватели. Прошло более полувека с той поры, но до сих пор я сохранил воспоминания о школе. Но один из эпизодов, которому я не могу найти объяснения, никак не выходит из головы.

В начальных классах учился я хорошо, и каждый год заканчивал с похвальной грамотой. Особенно нравились уроки русского языка и литературы. Я рано научился читать и все свободное время проводил в библиотеке. Когда я учился в пятом классе, в школе появилась молодая учительница русского языка и литературы Радченко Нина Пантелеймоновна. Заканчивая первый урок в моем классе, она дала нам письменное задание, в котором просила написать предложения с однородными членами и расставить знаки препинания. После урока она собрала тетради с выполненными примерами для проверки. Зная, что преподаватели литературы любят, когда в качестве примеров используются отрывки из произведений, я взял строчку из стихотворения Сергея Михалкова —

«Хозяйка с базара домой принесла: картошку, капусту, морковку, горох, петрушку и свеклу. Ох!» На следующий день Нина Пантелеймоновна раздавала проверенные тетради и комментировала выставленные оценки. Я не сомневался в заслуженной пятерке. Не передать мое удивление, когда назвав мою фамилию учитель объявила: – А ему я поставила двойку! Видимо выполняя задание он очень устал и добавил слово «ОХ!». И хоть мама не ругала меня за эту оценку, но настроение испортилось надолго. Прошло много лет, но я так и не понял, почему так отреагировала учительница. Наверно это было ребячество, шутка с моей стороны, но не слишком ли чрезмерной была подобная реакция? А может быть она просто не знала популярных детских стихов?

Коллектив школьных учителей состоял из одних женщин, в основном незамужних, поэтому, когда в школу был назначен преподаватель военной подготовки Василий Петрович Романов, многие дамы обратили на него пристальное внимание и пытались его заполучить. Высокий, 193 сантиметра, 1919 года рождения, фронтовик, майор в запасе и неженатый. За обладание таким завидным женихом возникло серьезное соперничество, однако он предпочел мою маму. Так в 1955 году у меня появился отчим.

Мама привела Романова в нашу коммуналку и буйные соседки сразу присмирели. Прекратились выяснения отношений, и в квартире наладилась спокойная обстановка. Отчим установил перегородку, разделившую комнату на две по 8 метров, а на следующий, 1956 год, у меня появилась маленькая сестренка Нина. Перед ее появлением деда отправили в дом престарелых, где он прожил несколько месяцев и в возрасте 70 лет скончался. Бабушка недолго горевала, она помнила, как Поникаров нещадно ее эксплуатировал на пошиве валенок. Мама потом говорила мне, что он бабушку и привез в город с этой целью.

Мои отношения с отчимом не складывались с самого начала. Надо сказать, что он пытался их наладить, но я не чувствовал тепла и расположения к себе. Это были скорее отношения учителя к ученику, нравоучительные и назидательные. Романов был очень строгим, и я его боялся. Это замечала мама, а бабуля, которая во мне души не чаяла, его просто возненавидела. Самое мягкое определение, которое она дала Романову, было «долдон» и «дятел», а позднее называла его не иначе как «дурак». Меня он пытался муштровывать, воспитывать так, как считал нужным, но маме и бабушке это не могло нравиться. Когда он своим громовым голосом распекал меня по поводу нечищенных ботинок, или небранной одежды, я от страха пугался и замыкался в себе. Может быть, для преподавателя военной подготовки, это было нормальное поведение, но отцом для меня Романов так и не стал. Хоть он и собрал документы, необходимые для моего усыновления, оформить это мама и бабушка ему не разрешили. И очень правильно сделали. В моем свидетельстве о рождении, в графе «отец», навсегда остался прочерк.

После успешного окончания первого класса школы, мне подарили велосипед. Я гонялся по двору со своими приятелями, а в воскресные дни мы с бабушкой ходили к Новодевичьему монастырю на Московском проспекте 100. Огромная, асфальтированная перед зданием, территория позволяла разгоняться с большой скоростью и я очень любил эти прогулки. Иногда мы заходили на кладбище, и я мог увидеть могилы поэта Некрасова, художника Врубеля, шахматиста Чигорина и другие. В том году я увлекся шахматами и, вместе со своим другом, тоже отличником Володей Пшеницыным, ходил на занятия в шахматный кружок Дома пионеров на Московском проспекте 121. Сегодня здесь расположен Театр сказки. Однажды занятия в нашем шахматном клубе проводил чемпион Ленинграда 1938 года Геннадий Лисицын. По окончании урока состоялся сеанс одновременной игры на тридцати досках. Я проиграл, а мой друг сумел сделать с мастером ничью. В тот свой визит Лисицын презентовал свою книгу «Стратегия и тактика шахмат» Выпуск 1956 год. Несмотря на ее высокую стоимость, целых 15 рублей, мама купила книгу по моей просьбе, и я долгие годы использовал это пособие для совершенствования своих навыков в шахматах.

Мама моего друга Володи работала кассиром в ДК Ильича на Московском проспекте 152. Остались в памяти огромные очереди в кассу на, только что вышедший на экраны, фильм «Тайна двух океанов». С замиранием сердца глядя на экран, следили мы за походом подводной лодки «Пионер», и разоблачением шпиона Горелова. С тех пор это один из самых любимых моих фильмов, а книга, с таким же названием, навсегда заняла место в моей домашней библиотеке.

Мне везло на друзей. Моими товарищами были отличники Рева, Пшеницын, Оводенко, который в настоящее время является академиком, ректором института авиаприборостроения. В 1969 году, я провалил вступительные экзамены в этот ВУЗ. А ведь мы могли бы там встретиться. Во дворе я появлялся редко, потому что занятия в школе продолжались допоздна. Вечерами здесь училась рабочая молодежь и домой мы с мамой приходили поздно. Уроки я делал в школе, затем проводил время в библиотеке. С класса примерно третьего, я увлекся чтением Майн Рида, Стивенсона и Кэптен Дойля.

На глазах менялся облик моего района. Преобразились берега Обводного канала, которые были «одеты камнем». В 1956 году началось возведение Московских триумфальных ворот. Мне разрешалось гулять самостоятельно по городу, и я с интересом разглядывал появившиеся новые здания.

Любил я бродить по этажам Фрунзенского универмага. Рассматривая витрины, заметил, что хорошо запоминаю цены на различные товары. С семи лет меня посылали в магазин за продуктами, расположенный в нашем доме, и я легко рассчитывал стоимость покупок. До сих пор я помню, сколько стоили различные товары и продукты в конце пятидесятых годов. Нравилось мне кататься на трамвае или троллейбусе. Взяв билет, я ехал до конечной остановки, и рассматривал в окно здания и исторические места, знакомые по различным прочитанным мною книгам. Эти поездки помогли значительно расширить кругозор и узнать Ленинград.

На время летних каникул мама устраивалась работать в пионерский лагерь поваром, а меня брала с собой. Запомнился пионерский лагерь в Васкелово, и комсомольский лагерь в Лосево. В деревне рядом с лагерем, мама сняла на лето комнату, в которой жили бабуля, и моя годовалая сестренка Нина. Я и мама жили в лагере. В огромной комнате стояли несколько кроватей, на которых спали, работающие в столовой лагеря, женщины. Я спал вместе с мамой. Условия проживания были непростыми, но зато все время я проводил на свежем воздухе. Женщины, свободные от работы, брали меня с собой в лес за ягодами и грибами, которых в окрестностях было великое множество. В клуб лагеря, представляющий из себя деревянный сарай, приезжала кинопередвижка. Врезался в память фильм «Они были первыми». Недалеко от лагеря были развернуты несколько палаток, в которых разместились саперы. Они занимались разминированием окрестных лесов от мин и снарядов времен минувшей войны. Я крутился около них и однажды мне дали походить с миноискателем. Запомнил горку обнаруженных боеприпасов, приготовленных к вывозу. Вспоминаю, как в пионерском лагере недалеко от станции Васкелово, целыми днями пропадали на местах боев. Вместе со всеми мальчишками, в окопах недавно закончившейся войны, мы собирали гильзы и боевые патроны, которых находили великое множество. В город я привез банку из – под монпасье, наполненную порохом, и проводил опыты, поджигая его и рискуя здоровьем.

Справедливости ради надо сказать, что отчим пытался найти подходы ко мне. Помню, как всей семьей в 1955 году мы отправились на открытие Ленинградского метрополитена, восхищались великолепием подземных станций – дворцов и катались на поездах. Однажды он принес домой пневматическую винтовку и показал, как надо стрелять по мишеням. Летом он уезжал работать воспитателем в комсомольско-молодежный лагерь, но однажды в его отпуск мы провели вдвоем две недели в Ораниенбауме. Комнату нам предоставила мамина хорошая знакомая по работе в школе, преподаватель русского языка Коваленко. Мы пробовали ловить рыбу в Красном пруду и ходили за грибами, но друзьями так и не стали. Думаю, что в этой

ситуации, большая часть вины лежит на том, кто старше по возрасту. И хотя я пытался называть его папой, это удавалось мне через силу. Не чувствуя тепла в его отношении ко мне, я сторонился отчима и боялся его. Меня пугал его громкий голос, приказной тон, нависание надо мной всей его огромной фигуры. Мама всегда защищала меня и старалась не оставлять наедине с отчимом. Доходило до того, что в баню, мы с Романовым ходили в разные классы.

Жили мы в ужасной тесноте. Пять человек ютились в шестнадцатиметровой комнате с огромной печкой в углу. Никакой перспективы в решении жилищного вопроса не просматривалось. Строительство знаменитых «хрущевок» начнется лишь через три года и об этом мы даже не догадывались. Улучшить условия можно было только с помощью обмена, так как продажи и покупки квартир в те годы не существовало. Все городское жилье принадлежало государству. И в один из выходных дней мы с мамой отправились на Малков переулок. Здесь находился знаменитый Ленинградский «толчок», на котором собирались желающие обменяться жильем. Он располагался в центре города на пересечении Садовой улицы и Измайловского проспекта. Я увидел толпу в несколько сотен людей, непрерывно перемещающихся и задающих друг другу один и тот же вопрос: – Вы что меняете? Здесь обменивались информацией, рассматривались варианты, выстраивались обменные цепочки.

Мама активно включилась в процесс, а я начал читать информационные витрины Ленижилобмена. Их было несколько десятков, и здесь предлагались к обмену квартиры и комнаты, сдавались углы и предлагались услуги по прописке. Не сразу я нашел нужный раздел – обмен комнат. Переходя от одного стенда к другому, внимательно изучая предложения, я записывал подходящие варианты. До сих пор не перестаю удивляться, как я, одиннадцатилетний пацан, сумел найти вариант будущего нашего обмена. Я подозвал маму, и она записала указанный в объявлении телефон. Этот вариант оказался лучшим из всех, которые нам предлагались, и все решилось довольно быстро.

Квартира, в которую мы переехали, располагалась в доме на Московском проспекте 130, на пересечении его с Заставской улицей, напротив вагоностроительного завода Егорова. Четырехэтажный дом стоял во дворе, и под окнами была небольшая зеленая зона с детской площадкой. От шумного Московского проспекта его отделял шестиэтажный дом, отстоящий от нашего настолько далеко, что после обеда в нашей комнате на третьем этаже всегда было солнце. К плюсам этого обмена можно было отнести и то, что комната была на два квадратных метра больше, потолки были на два десятка сантиметров выше, а окна смотрели в тихий двор. Отопление было печное, а централизованное проведут только через пять лет.

К существенным минусам относились маленький коридор и крохотная шестиметровая кухня, на которой кроме нас готовили пищу две семьи. В большой комнате размером 24 метра жили муж с женой и четверо детей, а в другой, 18 метровой, супружеская пара и двое детей. Несомненным минусом было и то, что в метре от нашей двери размещался туалет.

Но радовало то, что школа, в которой работала мама, а я учился, находилась в пяти минутах ходьбы. Я ухитрялся проснуться без пятнадцати минут девять и не опоздать на урок. Адаптироваться к новой обстановке мне было довольно просто. Вспоминаю, как мы с мамой впервые перешагнули порог этой квартиры под номером 77. Я позвонил в дверь и ее открыл знакомый мне Виталик Гоманьков. Он был старше меня на один год и учился в параллельном пятом классе. Буквально накануне, наши классы объединили на один урок пения, и мы сидели рядом. В соседней комнате жил Славик Дерягин, учившийся в шестом классе. Он недавно вышел из больницы, куда попал, катаясь на перилах школьной лестницы. Рухнув с четвертого этажа на третий, он здорово ударился головой. У Славика была сестра, моложе на два года, брат моложе на пять лет и старший брат Валерка – крупный здоровый спортивный шестнадцатилетний парень. Он занимался борьбой, имел первый разряд и выступал на первенстве города. Добродушный и плавный Валерка учился в индустриальном техникуме и располагал

к себе. Перечень моих знакомых дополнял учившийся в параллельном классе Володя Куликов из квартиры напротив. В соседних домах проживали мои одноклассники. Таким образом, друзей на новом месте у меня было достаточно.

Несмотря на стесненные условия быта, я не помню каких – либо скандалов на кухне. Дружили дети и нормальные отношения были у родителей. Мы ходили, друг к другу в гости, и вместе отмечали праздники. Все мы жили одинаково скромно, и никто особо не выделялся. Труднее всех было семье Дерягиных. Одеть, обуть и прокормить четырех детей становилось непростой задачей для их родителей. На кухне всегда жарились самые дешевые магазинные котлеты по 45 копеек / в ценах 1959 года /. Валерке и папе по полторы котлеты, а маме и остальным детям по одной. Но зато, когда появлялись грибы, начинался сезон заготовок. Дерягины знали места. Чаще всего они отправлялись в Выборгский район за Первомайское. Количество привезенных белых грибов исчислялось сотнями.. Духовка кухонной плиты работала днем и ночью. Грибы сушили, мариновали, солили и продавали. Навсегда запомнился густой душистый грибной аромат нашей квартиры. Грибы позволяли семье сводить концы с концами. У Гоманьковых мама работала в кафе, возвращалась домой поздно, и детям перепадало что – то из деликатесов. Мужчины в этих семьях трудились на заводе.

Мама и отчим продолжали работать, но Романова перевели в соседнюю 356 школу. После уроков, быстро выполнив домашнее задание, я спешил в библиотеку. В шестом классе я увлекся фантастикой. С огромной жадностью, я буквально проглатывал романы Беляева, Уэллса, повести и рассказы Ефремова, Днепров, Варшавского, Гора. Кроме того меня интересовал спорт, такие его виды как баскетбол и настольный теннис. В седьмом классе я вошел в команду школы по настольному теннису. Мы выиграли первенство района и участвовали в городских соревнованиях. Все эти увлечения не могли не сказаться на моей учебе. Все чаще в дневнике стали появляться четверки, и в шестом и седьмом классах я остался без похвальных грамот, хотя троек у меня не было.

Зарплата преподавателя, которую получал отчим, была невелика. Еще меньше зарабатывала мама, а бабушка получала мизерную пенсию. Работать она не могла по состоянию здоровья и ухаживала за трехлетней внучкой. Ввиду трудного материального положения, отчим предложил мне поступить в техникум после седьмого класса. Я понимал, что ему хочется скорее отправить меня на работу, так как перспектива ждать, пока я окончу среднюю школу и институт, отчима не устраивала. И хотя мама хотела, чтобы я закончил десятилетку, Романов сумел ее уговорить.

В 1961 году в стране была проведена денежная реформа, представляющая собой деноминацию. Появились новые купюры и монеты, а цены и зарплаты уменьшились в десять раз. Самым печальным было то, что одновременно на треть подорожали мясные и молочные продукты, хотя зарплаты не увеличились. Этим оправдывалось желание отправить меня в техникум. Мне купили справочник для поступающих в средние специальные учебные заведения, и предложили самому сделать выбор. И я выбрал кинотехникум.

В эти годы в стране готовилась реформа образования. Школы должны были перейти на 8-ми и 11-летнее обучение. А пока, окончание седьмого класса, приравнивалось к получению неполного среднего образования и выдавалось соответствующее свидетельство. Шефом нашей школы был военный завод, который позднее войдет в объединение Ленинец. Мальчишек часто водили на экскурсии в цеха этого предприятия, из которых мы возвращались с полными карманами гаек и болтов. Трудовое воспитание в школе предусматривало и помощь на сельскохозяйственных работах. Несколько раз школьников, и мой класс в том числе, возили на прополку грядок в совхоз Ударник, поля которого располагались в районе нынешней Будапештской улицы и улицы Фучика. Также был выезд на неделю в один из Гатчинских совхозов. Мы жили в бараке, помню, что кормили нас неважно, и работали с навозом. Запоминающейся была экскурсия на строящуюся станцию метро Московские ворота. Остались в памяти

горы мусора на месте будущего вестибюля и длинный нескончаемый спуск вниз по лестнице. Теперь я знаю, что параллельно с эскалаторами, существует длинная пешеходная лестница, ведущая глубоко под землю. В этом 1961 году вошла в строй вторая линия ленинградского метрополитена до станции Парк Победы. С интересом и любопытством изучал я новый район. Бродил с друзьями по Лиговскому проспекту, уходил вглубь Заставской улицы и Цветочной, гулял в Парке Победы. Зимой катался на катке, а летом купался в прудах, ходил в кино в ДК Капранова и Ильича. В воскресные дни на Митрофаньевской улице разворачивалась барахолка, и на ней продавалось все, что угодно, от женских заколок до автомобиля. В конце пятидесятых мне здесь купили велосипед. Но меня интересовали книги. Хотя я был записан, кроме школьной, еще в две библиотеки, но мне хотелось иметь собственную домашнюю книжную коллекцию. Но не было, ни денег, ни возможностей, ведь в книжных магазинах хорошие книги «выбрасывали» редко. Это были годы всеобщего дефицита. Но на барахолке мне удалось купить несколько книг из библиотечки военных приключений: «Приключения майора Пронина и Нила Кручинина, Кукла госпожи Барк, Самолет подбит над целью, Операция Цитрон», и многие другие. В Доме книги на Невском, в букинистическом отделе, мне повезло приобрести ряд книг из Золотой библиотеки приключений. Кроме того я начал собирать книги по спортивной тематике. Сегодня их читает мой внук.

Наш большой двор был центром притяжения молодежи из соседних домов. В небольшом сквере на скамейках собирались компании взрослых молодых людей. Подходили загадочные личности, побывавшие в местах не столь отдаленных. Появлялась гитара и звучали песни из блатного репертуара, анекдоты и байки из воровской жизни. Раскрыв рты, слушали мои сверстники рассказы этих «бывалых» крутых парней. Это был рабочий район Московской заставы, насыщенный промышленными предприятиями, а через проходной двор моего дома рабочие возвращались домой. Близость гастронома на углу и скамейки в нашем сквере, создавали идеальные условия для выпивки после получки. Позднее в нашем дворе расположился пункт охраны общественного порядка, ведь посиделки часто заканчивались дракой.

У многих мальчишек были велосипеды, и мы совершали дальние прогулки. Купаться ездили в Стрельну на Орловскую каменную гряду. Сегодня здесь разместился яхт-клуб. Финский залив тогда был довольно чистый, а рядом был песочный пляж. Иногда ходили купаться в пожарный водоем на углу Благодатной и Варшавской улиц, или на пруды к станциям Броневая и Дачное.

Я легко поступил в техникум и отчим облегченно вздохнул. Работавшая допоздна мама, теперь не могла меня контролировать, и я много времени проводил с мальчишками во дворе. Отчим бесился и хватался за ремень, но бабушка меня защищала. Но не только я стал причиной натянувшихся отношений между мамой и ее мужем. Мне трудно судить о причинах участвовавших разборок, но отчим распялся все больше и больше. Однажды, когда мы с ним были вдвоем, он уже достал ремень и приготовился меня выпороть. Меня спасла вовремя подошедшая бабушка со словами: – Это не твой сын! Оставь его в покое! И Романов ударил мою бабулю. Никогда не забуду, как этот, почти двухметровый верзила, двинул ее по голове. Мама ему этого не простила. Он ушел, забрав даже медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией», которыми были награждены пережившие блокаду мои родители – бабушка и дед. Он уходил, забрав все свои вещи и подарки, бросив маме напоследок: – Пропадешь одна с двумя детьми! Одумайся!

Но Василий Петрович Романов плохо знал мою маму. Мы не пропали.

Учеба в техникуме разительно отличалась от занятий в школе. За первый год обучения преподаватели дали нам программу 8-9-10 классов. Многие учащиеся не выдержали этого напряжения. За первый год моя группа сократилась на треть. Угроза отчисления придавала дополнительные силы, и я удержался, даже получал стипендию. Ее хватало на метро

и на обед в столовой. Более того, продолжал заниматься спортом. Выступил в первенстве города по настольному теннису среди учащихся техникумов, занимался в секции баскетбола, начал «таскать» гири.

Сосед по коммуналке, Валерка, держал в коридоре три гири. Начал я с самой легкой – 16 кг, а через год поднимал уже 24 кг. Пройдет несколько лет, и я сумею выполнить норматив первого разряда по тяжелой атлетике, но это будет уже в армии. А тогда, в начале шестидесятых, мальчишки нашего двора собирались на лестничной площадке, и мы устраивали соревнования по подъему гирь. Однажды я притащил гирю в техникум, и ребята соревновались на перемене.

В те годы техникум еще не располагал собственным зданием и занятия проходили в аудиториях и лабораториях института киноинженеров. Был у нас и небольшой спортзал, в котором проводились совместные праздники. Надолго запомнился праздничный вечер накануне Нового 1962 года. Приглашенный музыкальный ансамбль играл, только что вошедший в моду твист. Столпившиеся вокруг двух танцующих пар зрители, с восторгом следили за невероятными телодвижениями, а забойный ритм никого не оставлял равнодушным.

Рок-энд-ролл я впервые услышал на рентгеновских пленках, которые оказались невероятным образом у нашего соседа Валерки. Это был «Рок вокруг часов» Билла Хейли. Мы слушали эту пленку на радиоле Восток-57 у одноклассника, живущего напротив. Сквозь невероятное шипение, мы с трудом разбирали слова, и подпевали на каком-то тарабарском языке. А жесткий ритм определенно всем нравился.

Сашка Васильев, который был старше меня на год, единственный из живущих во дворе маьчишек, имел магнитофон Спалис и радиолу Фестиваль. Поставив магнитофон на подоконник, он выполнял заявки слушателей. И наш двор-колодец наполнялся ритмами зарубежной эстрады. – Сашка! – кричали снизу. – Поставь Рея Кониффа! Но чаще всего просили Speedy Gonzales и мы зачарованно слушали неповторимый баритон Пэт Буна. Чуть позже появились отечественные пластинки с мелодиями «Шестнадцать тонн», которую великолепно исполнял супербас Теннеси Форд, и Магомаева «Лучший город земли». А вскоре мы впервые услышали Beatles. Эта пластинка была из серии «Вокруг света», а мелодия называлась «Девушка». После ее широкого распространения в нашей стране девчонок стали называть «герлами». Именно тогда пошло повальное увлечение игрой на шестиструнной гитаре. Один на наших товарищей Витька Терехов, упорно занимался гитарой и впоследствии, долгое время играл в ансамбле ДК моряков на Площади Труда. Многие мальчишки в то время купили себе гитары, но заиграли по-настоящему далеко не все. Я мечтал о магнитофоне, но осуществил эту мечту лишь в 1964 году, когда на последнем курсе начал совмещать учебу с работой киномеханика в ДК Капранова.

В соответствии с программой обучения мы должны были ровно год отработать кино-механиками в кинотеатрах города. Полный восьмичасовой день с одним выходным в неделю и с зарплатой шестьдесят два рубля. Я выбрал ДК Капранова, ведь он находился в пяти минутах ходьбы от дома. Приятным сюрпризом явился тот факт, что кинотеатр всегда перевыполнял план по кассовым сборам и полагалась премия, в размере оклада. Разумеется, всю зарплату я отдавал маме, но магнитофон у меня появился, а также уникальные записи.

Четыре киносеанса в день, начало первого в 16 часов. Когда я шел на работу, то меня сопровождала группа товарищей. На первом сеансе зал был не заполнен и билетеры пропускали моих друзей. Это значительно повысило мой авторитет во дворе. Я никому не отказывал из ребят, которые обращались с просьбой – «проведи в кино».

Несколько раз я приносил на работу магнитофон и записывал звуковые фрагменты из понравившегося мне фильма. Однажды, записав мелодию из итальянского фильма «Бум», в котором главную роль играл неподражаемый Альберто Сорди, я возвращался домой. Был первый час ночи, только что закончился последний сеанс, и на пустынном Московском про-

спекте меня остановили милиционеры. Отвели в райотдел милиции, и потребовали доказать, что магнитофон я не украл с работы. Пришлось идти за мамой и принести паспорт и документ на магнитофон.

Тогда, в середине шестидесятых, ДК Капранова располагал самым большим по вместимости зрительным залом в Московском районе, почти полторы тысячи мест. Здесь проводились премьерные показы и демонстрировались новые фильмы. Также в этом ДК выступали известные артисты и музыканты.

С работой в ДК Капранова, а я вернулся туда и после службы в армии, я связываю лучшие годы своей трудовой биографии.

Свободного времени было немного, надо было не только работать, но и заканчивать учебу, но я старался не забывать занятия спортом. Поднимал гири, теперь уже и двухпудовую десяток раз и катался на велосипеде. Сосед Виталик, который к тому времени работал на заводе Ленинец, задумал купить мотоцикл. Самый дешевый, объемом 125 «кубиков» новый мотоцикл Минск, его называли «макака», стоил более трехсот рублей. Это была огромная по тем временам сумма, но Виталька присмотрел в комиссионном магазине бэушный К-125 всего за сто рублей. Мы поехали за ним в магазин к Финляндскому вокзалу. Думаю, что продавцы очень обрадовались, что избавились от такой рухляди. Нам его завели и с грохотом мы помчались через весь город. Удивительно, но доехали без приключений, и не встретили ни одного милиционера. Нашим полигоном для испытаний «макаки» стала улица Коли Томчака, бывшая Волковская. Это хорошо, что на ней было всего два жилых дома. С ревом гонялись мы по очереди от Заставской улицы до Цветочной, пугая редких пешеходов. Что стало с этим мотоциклом в дальнейшем, я не помню, думаю, что его украли. Нет, велосипед мне нравился больше!

В 1965 году закончился период моего детства и юности. Защитив диплом, я еще некоторое время проработал в ДК Капранова. Затем, как было положено молодому специалисту, отправился по распределению в Новгород. Начинался новый этап моей, теперь уже взрослой жизни.

Послесловие.

В 2008 году я работал главным энергетиком завода. По новым измененным правилам техники безопасности, я должен был ежегодно посещать семинар по охране труда. Адрес, по которому предстояло явиться, меня удивил – Московский проспект, 74. Когда я вошел во двор, в котором прошло мое детство в далеких пятидесятых, то удивился еще больше. Вывески во дворе и таблички привели меня в парадную лестницу трехэтажного, знакомого флигеля. Теперь в нем располагались офисы каких-то организаций. Трудно передать нахлынувшие на меня воспоминания в тот момент, когда я поднимался по лестнице на нужный мне третий этаж. За полвека изменились окна, теперь здесь стеклопакеты, установлены современные двери, перекрашивались не раз стены, смонтировано новое освещение. Но ступени остались теми, которые были тогда, в пятидесятых, а может быть и в начале прошлого века. Волнуясь, открыл я дверь квартиры, в которой прошли первые десять лет моей жизни, ведь именно на этой двери была закреплена табличка нужной мне организации. Кабинеты, зал для занятий, служебные помещения. Четыре бывшие жилые квартиры объединены в небольшой офис. Не изменился только вид из окна, взгляд упирается в ту же самую шестиэтажку, да вместо окон с двойными рамами – стеклопакеты.

Флигель, скорее всего, был признан непригодным для проживания, и в нем разместился небольшой бизнес-центр.

После занятий я вышел во двор, который остался прежним. Тот же небольшой скверик и легковые машины, которые занимали всю территорию, бывшего когда-то огромным моего двора.

В последнее время я часто прохожу мимо этого дома. Мне нравится гулять по изменившемуся за последние десятилетия Московскому проспекту. Теперь на каждом шагу здесь стоят многоэтажки. Не всегда, на мой взгляд, эти жилые комплексы вписались в уникальную архитектуру, но здания впечатляют. Они высятся у метро Фрунзенская и Электросила, на пересечении проспекта с улицами Смоленской и Киевской. Огромный жилой массив Граф Орлов вырос на пересечении проспекта с Авиационной улицей.

Московский проспект, протянувшийся почти на десять километров, от Сенной площади до площади Победы, знаком мне до каждого расположенного на нем дома. Здесь я родился и учился, работал и проводил свободное время. Это одна из замечательных и красивых магистралей моего любимого города.

Знакомство на даче

«Тяжелым басом гремит фугас, Ударил фонтан огня...»

Так начинался фильм «Последний дюйм» по рассказу Джеймса Олдриджа о летчике, его зовут Бен, который чтобы заработать, летит на опасные съемки океанских акул вместе с сыном Дэви. Приземлившись на острове, он в подводном снаряжении опускается в глубину океана и приступает к съемкам, которые чуть было не заканчиваются трагически. Израненный акулами он выбирается на поверхность и Дэви спасает отца, сумев не только затащить его в самолет, но и справиться с управлением. Мужественные персонажи фильма, замечательная игра актеров, песня, берущая за душу, произвели на меня сильное впечатление. Этот фильм стал ярким воспоминанием моего детства. Я посмотрел его не один раз, а песню выучил наизусть.

Лето 1960 года я проводил на даче в ближайшем пригороде Ленинграда – поселке Стрельна. Мансарду снимали недалеко от станции. Купаться ходили на неширокую речку Стрелку, которая пересекала весь поселок. В ней я ловил рыбу – окуньков и пескарей, иногда ходил в лес. Дачников было много, но мальчишек моего возраста не очень, поэтому я обрадовался, когда в доме напротив появился мой ровесник, которого постоянно сопровождала бабушка. Когда мальчишки купались, он сидел с ней на берегу, смотрел на нас и, как мне казалось, завидовал. Он не ловил рыбу, не ходил с нами в лес, не катался на велосипеде, не играл ни в какие игры. Однажды мы разговорились с ним о книгах и таким образом познакомились. Мальчика звали Слава. Он поинтересовался, где я живу в городе, и в какой хожу кинотеатр. Я ответил, что живу у Московских ворот, а кино смотрю в ДК Капранова и кинотеатре Московский.

– Мне знаком Московский! – вдруг вспомнил Славик. – Вместе с Николаем Крюковым мы выступали там перед зрителями на премьере фильма «Последний дюйм».

Я не поверил своим ушам. Я разговариваю с тем самым Дэви – героем моего любимого фильма! Но как же не совпадал образ смелого и бесстрашного Дэви с тем бабушкиным внуком, которого я видел перед собой. Это не укладывалось в моем воображении.

– А почему тебя никуда не отпускают? – поинтересовался я. – Ведь ты такой смелый, такой герой? – вырвалось у меня.

Славик ответил, что родители не разрешают и бабушка очень переживает за него. Мы подружились, так как были примерно одного возраста, а других знакомых мальчишек у Славика не было. Мне было интересно слушать рассказы о том, как снимался фильм. Рассказы Славика будоражили мое воображение. Я представлял себя за штурвалом самолета, так же как Дэви тащил раненого отца, плавал в окружении акул, вел воздушный бой с вражескими самолетами. Именно тогда я всерьез заинтересовался кино. Вскоре мне пришлось ненадолго уехать

с родителями в город. Вернувшись, я обнаружил, что мой друг тоже уехал. Появился Славик только через несколько дней и как всегда в сопровождении бабушки. Рука его была перевязана, согнута в локте и наложен гипс. Бабушка все-таки не уследила. Как это произошло, спрашивать я не стал, а сам Славик не рассказывал. Лето заканчивалось, и вскоре мы расстались, пообещав друг другу встретиться следующим летом на даче. К сожалению, больше мы так и не увиделись, а дачу снимали уже в другом месте. В следующем 1961 году я закончил седьмой класс и поступил в Ленинградский кинотехникум. На это решение самым серьезным образом повлияла встреча со Славой Муратовым – героем моего любимого фильма. После окончания техникума я работал мастером производственного обучения в группе по подготовке киномехаников в Новгородской области, куда был направлен по распределению. Потом были три года службы в Заполярье в армейском клубе. Вернувшись в Ленинград по окончании службы, я работал техническим руководителем Дворца культуры и совмещал работу с учебой в Ленинградском институте киноинженеров. Закончив учебу я в силу различных обстоятельств вынужден был перейти работать на производство, но никогда не жалел о том, что в моей жизни были годы, во время которых я имел возможность близко узнать этот удивительный мир кино и свою роль здесь сыграла та встреча в Стрельне более полувека назад.

Учеба в кинотехникуме 1961—1965гг

Это сейчас он носит название КВТК, а тогда, в 1961 году, он назывался Ленинградский кинотехникум / ЛКТ / Сдал я вступительные экзамены легко, так как седьмой класс закончил без троек / тогда еще была десятилетка /. На моем потоке были группы 7-8-9-10. В моей группе 9 классным руководителем была Горелова, замечательный педагог, болеющая всей душой за своих учеников. Помню преподавателей Муромцева, Пугачева, Толпегина, Гинзбурга, Подкуйко, Федосееву, Королева, Богдановского, Багринцеву, Полякова. Директором был Арцишевский, затем Качурин.

Очень любил физкультуру, которую вел Назаров Лев Алексеевич. Он много сделал для того, чтобы команды техникума принимали участие в городских соревнованиях по баскетболу, плаванию, настольному теннису. Мы тренировались на Зимнем стадионе, в залах СКА, стадионе Локомотив.

Первый курс обучения дался очень трудно. Сразу стало понятно, что это не школа, и упрашивать тебя учиться здесь никто не будет. Программа обучения была насыщенной и сложной. За первый год мы прошли общеобразовательные предметы в объеме средней школы, а со второго курса начались специальные дисциплины. Потом к ним прибавились детали машин, сопромат, основы высшей математики. Многие учащиеся не выдержали, и отсеял составил примерно треть нашей группы.

В те годы техникум еще не имел своего помещения и занятия проходили в аудиториях и лабораториях ЛИКИ – института киноинженеров. В моей группе 9 были отличники Дмитриев, Эпельбаум, Никифорова, Грищенко, Кистеченко. Невозможно представить нашу группу без однофамильцев Барановых – большого и маленького.

Был в нашей группе учащийся, который выделялся из всего потока. Толя Васильев – единственный из нас не был ленинградцем и жил в общежитии. Он был старше нас в два раза и уже много лет у себя на родине в Пушкинских горах работал киномехаником. После окончания техникума в 1965 году он останется в нем и отработает до середины девяностых годов.

Вспоминаю своих товарищей по учебе Кожевникова, Горелика, Наумова, Лазерсона, Бауэрберга, Байкова, Пикалева. Наша учеба включала посещения Ленфильма, панорамного кинотеатра Ленинград, кинокопировальной фабрики и другие различные экскурсии. Очень нравились занятия по фотографии, которые проводила заведующая лабораторией Белла Давыдовна. Были у нас занятия по устройству и эксплуатации автомобиля, но до выдачи прав дело не дошло. Оборудование кинотеатров вел главный инженер управления кинофикации города Андерег, и братья Барбанель.

Летом 1963 года 9 и 10 группы месяц отработали в подшефном совхозе Культура Тихвинского района. С нами ездили преподаватели Подкуйко и Назаров.

На третьем курсе мы должны были сдать на вторую категорию киномеханика и отработать годичную практику в кинотеатрах города, совмещая работу с учебой. Зарплата киномеханика

второй категории составляла 62 рубля, но при выполнении кинотеатром плана можно было рассчитывать на премию, которая доходила до размера оклада.

Осталась в памяти практика в Ленинградской области, когда учащиеся разъехались по районам и крутили фильмы в течение месяца на сельских установках Украина и КН. Мы с Витей Байковым попросились в самый дальний Лодейнопольский район, где объездили все поселки и деревни. Я увидел настоящую тайгу на границе с Вологодской областью, красивые реки, озера и влюбился в эту природу.

Вторая практика была в апреле 1965 года перед дипломом. Мы должны были вновь разъехаться по районам Ленобласти и дублировать работу начальника районного управления кинофикации. И снова это был Лодейнопольский район поселок Винницы.

Так совпало, что диплом я получил в день рождения 25 июня 1965 года. Мне исполнилось 18 лет, и до службы в армии оставался год. В то время было обязательное распределение, и я был направлен в Новгородское управление кинофикации.

Банкет по окончании техникума прошел в ресторане гостиницы Южная на Боровой улице, а через несколько дней мы провожали на Московском вокзале группу наших ребят которые направлялись в Красноярский край / за туманом и за запахом тайги /

В августе 1965 года я выехал в Новгород, где получил направление в город Боровичи для работы в ПТУ мастером производственного обучения. За год я должен был подготовить три десятка мальчишек для работы киномеханиками. В июне 1966 года меня призвали в ряды Советской Армии, и два с половиной года я прослужил на Кольском полуострове военно-морской базе Гремеха. После окончания службы работал в ДК Капранова заведующим радиоузлом и учился в институте киноинженеров.

Во время учебы в институте и дальнейшей работе на производстве я убедился в том, какие основательные знания дали мне преподаватели техникума, института и бесконечно им благодарен!

Когда в 2009 году я зашел в свою «альма матер», то с огромным удовольствием пообщался с Львом Алексеевичем и Олегом Андреевичем Саломе, который в далекие шестидесятые годы начинал преподавательскую деятельность. Здоровья и успехов вам, дорогие преподаватели!

Распределение в Боровичи

Наверное, я никогда не узнал бы о существовании этого города и не побывал бы в нем, но судьба распорядилась иначе. Но даже спустя десятки лет я часто вспоминаю это время, когда в середине шестидесятых, был распределен в небольшой городок Новгородской области Боровичи и начал здесь самостоятельную жизнь. Это был год моего взросления и ошибок, свойственных для восемнадцатилетнего мальчишки, оказавшегося без контроля родителей вдали от дома. Но начнем по порядку.

Ну, вот и все! Лафа закончилась! Сегодня, когда я был на работе, опять приходила секретарша из техникума и передала моей маме, что если я не поеду по распределению, то мой диплом будет признан недействительным. Понять руководство кинотехникума можно, ведь все пять выпускников, направленных по распределению в Новгород, до сих пор не собираются никуда ехать и живут в Ленинграде. Но я этого не знал, и не желая неприятностей, решил отправиться к месту будущей работы.

Надо сказать, что минувший учебный год выдался непростым – надо было совмещать занятия на последнем курсе техникума и работу в Доме культуры. Учеба начиналась в 9 утра, а с 16 часов и до позднего вечера я крутил кино. Зарплата киномеханика невелика, всего шестьдесят с небольшим рублей, но ДК всегда перевыполнял план, и премия достигала размеров оклада. Эти деньги были необходимы, так как мама поставила своей целью вывезти семью из питерской коммуналки в отдельную квартиру. Вступительный взнос на квартиру составлял 1300 рублей. Поэтому, получив в конце июня диплом, я не предался заслуженному отдыху, а продолжал работать киномехаником. К этому времени я получил высшую категорию и оклад вырос до 75 рублей плюс премия.

Итак, 26 августа 1965 года ранним утром я выехал в Новгород. Всего каких-то 200 километров и я в кабинете начальника управления кинофикации. Разговор был коротким – меня ждут в городе Боровичи, где в местном профтехучилище сформирована группа выпускников 8 —х классов, которых надо обучить профессии киномеханика. Отказаться от этого предложения было невозможно, так как начало занятий 1-го сентября. Моя должность называлась – мастер производственного обучения. Оставалось решить вопрос с преподавателем специальных дисциплин, и я позвонил в Ленинград своему другу Баранову Володе, который также был направлен в Новгород, и не торопился на периферию. Узнав о таком заманчивом предложении, Володя обещал немедленно выехать.

Ранним утром 27 августа я вышел из вагона поезда Новгород-Боровичи. Знакомство с городом для любого человека, приехавшего в первый раз, начинается с вокзала. Деревянное здание, построенное в 1876 году, являлось историческим памятником второй половины 19-го века и прекрасно сохранилось. Зал ожидания с печкой и непременно столовой, узкое окошечко кассы, деревянный перрон, пакгаузы и водокачка – все это напоминало кадры из фильма о царской железной дороге.

В те годы добраться из Ленинграда в Боровичи можно было на поезде, который отправлялся на Москву в 1 час ночи. К составу прицепляли два вагона на Боровичи, которые поезд тащил до станции Угловка. Там, в 6 часов, эти вагоны стыковались с составом из Новгорода, и к 7-ми часам утра поезд прибывал на станцию назначения. Расстояние от Ленинграда по железной дороге составляло 280 километров, а цена билета 4 рубля. Для студентов и учащихся действовала скидка в размере 50 процентов. Город Боровичи является вторым по числу жителей в Новгородской области и сейчас в нем проживает около 60 тысяч человек. От железнодорожной ветки Ленинград — Москва его отделяет 30 километров и это тупик. Дальше железной дороги нет.

Выйдя из здания вокзала, я оказался на улице Ленинградской, которая являлась главной на этом берегу реки Мста, разделившей город на две части – промышленную и городскую. Здесь располагался комбинат огнеупоров, здания Дома культуры комбината, техникум, магазины, жилые дома. Повернув с Ленинградской улицы налево, я вышел к главной достопримечательности города – необычному арочному мосту, построенному в самом начале 20 века. В то время это был единственный мост через Мсту в черте города. По нему двигался транспорт, и шли пешеходы. Река была не слишком широкой и очень быстрой. Перед мостом обращали на себя внимание два здания – городского и районного Домов культуры. Было раннее утро и людей на улицах было не много. Никто не спешил, и это разительно отличало Боровичи от моего родного Ленинграда. Я задержался на мосту и полюбовался рекой, по которой когда – то, в прошлые века проходили торговые пути, и осуществлялось судоходство. Мост красивой ажурной аркой соединял оба берега реки и был визитной карточкой города. Двигаясь дальше в центр, я вышел на бойкий перекресток, который, как я потом выяснил, называли «веселый угол». Здесь было больше каменных и полукаменных домов, располагались магазины и почтамт. Я повернул налево и улица, идущая вниз, вывела меня к площади Володарского, где располагался рынок. Мне нравился этот самобытный провинциальный, сохранивший дух прошлого века городок, в котором мне предстояло прожить целый год, и начать самостоятельную взрослую жизнь. Правда, мне не давала покоя мысль, а как примут меня шестнадцатилетние ученики? Смогу ли я стать авторитетом для мальчишек, которые всего на два года моложе? А обладаю ли я хоть какими-то, минимально необходимыми для этой работы, педагогическими способностями?

ПТУ 8 размещалось в историческом двухэтажном здании, окна которого выходили на центральный рынок. Построенное в 18 веке накануне визита в город императрицы Екатерины, оно выделялось из расположенных рядом деревянных зданий. Поднявшись на крыльцо, я открыл массивную дверь и вошел в училище. Поднявшись по лестнице на второй этаж, я увидел дверь с табличками «Секретарь» и «Директор». Дверь была закрыта и я, усевшись на подоконник, стал ждать. Первым, кого я увидел, был молодой мужчина, лет тридцати. Мы поздоровались, и он попросил меня помочь расставить столы в соседнем кабинете, на двери которого висела табличка «Кабинет металловедения». На стенах висели знакомые графики, диаграммы и таблицы. На кого собираешься учиться? – поинтересовался он. Да я, вроде, уже выучился – был мой ответ. Так я познакомился и подружился с преподавателем Геннадием Губиным.

К 9 часам утра стали подходить сотрудники. Первой появилась секретарша, которая сразу мне не понравилась. Взяв мои документы, эта очкастая мымра презрительно усмехнулась и заявила: – Надо же, каких молоденьких стали присылать? Я постарался не смутиться и не обращать внимания на эту ее фразу. Что делать? Так уж получилось! – это все, что я мог ответить. Вскоре появился директор. Высокий лысоватый, лет около сорока пяти, он прошел в кабинет. Секретарша бросилась за ним: Сергей Александрович! К нам, по направлению! Директор обернулся и посмотрел на меня. Проходите! – последовало приглашение.

Я вошел в кабинет директора и протянул ему направление, диплом и паспорт. Продолжал стоять, пока он просматривал мои документы. Наконец директор предложил мне сесть. –

Значит, закончили кинотехникум! – то ли утвердительно, а может быть вопросительно, заявил он. Директор слегка окал. Потом я часто встречал подобный выговор у жителей Новгородской области. – Вообще-то мы ждали специалистов с высшим образованием и давали заявку в институт киноинженеров, но ответа почему-то нет! Время уже не остается, и ждать, по-видимому, бесполезно! Будете вести группу из тридцати ребят, которым по шестнадцать лет. Учащиеся начнут прибывать уже завтра. Сентябрь они должны провести в колхозе. За это время вы подготовите кабинет для практических занятий, оборудуете киноаппаратную для показа фильмов в общежитии. Машину с киноаппаратурой мы ждем на днях. Составьте списки необходимой литературы, которую вам закажем. Вы, я думаю, будете мастером производственного обучения. Это воспитатель, отец группы! Кроме того, Вы будете проводить практические занятия по металлообработке и лабораторные работы. Вам придется находиться вместе с ребятами в колхозе, дежурить по общежитию и следить за порядком. Подчиняться будете старшему мастеру Василию Васильевичу. Как мы решим вопрос с преподавателем, я сказать не готов. – Он появится завтра, это мой товарищ! – проинформировал я директора. – Ну, хорошо! – обрадовался он. – Где Вы остановились? Пока нигде! Будем решать вопрос с общежитием – пообещал директор. Он снял трубку телефона и минут двадцать пытался без всякого успеха решить вопрос с моим жильем. Звонил в комбинат огнеупоров, который, как я уже понял, являлся градообразующим предприятием Боровичей. Наконец, после ряда безуспешных попыток, отправил меня в гостиницу, пообещав решить этот вопрос позже.

Гостиница «Мста» расположилась на высоком левом берегу реки. Из окон просторного номера открывался замечательный вид на город и красавец мост Белелюбского, построенный в 1904 году. Пообедав в столовой, я отправился гулять по городу. Удалился от центра и не спеша бродил по тихим улицам, сплошь застроенным одноэтажными деревянными домами, затем вышел к зданию исполкома с колоколом на крыше. Проверил ассортимент продовольственных и промтоварных магазинов. Картина была удручающей по сравнению с ленинградскими гастрономами и универмагами. Набрел на сравнительно большой, судя по размерам здания, новый кинотеатр, но естественно туда не пошел. Попалась по дороге в центр пельменная, кажется, это была улица Подбельского, где я поужинал и отправился в гостиницу.

На следующий день, ровно в 9 часов, я вновь был в училище. Должны были начать прибывать мои учащиеся, и намечалось освободить приемную и кабинет директора. Здесь предполагалось поместить учебный класс и лабораторию киноаппаратуры. Показался руководству и познакомился с заведующим учебной частью. Им оказался полноватый мужчина лет под сорок – Масик Петр Иванович. Очень приятное впечатление произвел преподаватель физкультуры, ветеран Великой Отечественной войны, инвалид Кормишев Евгений Яковлевич. Фамилия директора училища была Ильин Сергей Александрович. Познакомился также с преподавателем электротехники Сухаревым Иваном Андреевичем, Смирновым – заместителем директора по воспитательной работе, еще с одним преподавателем физкультуры – Петровым, чертежником Савкиным, преподавателем Переборовым, мастерами Матыриным и Марининым Алексеем, с которым в дальнейшем подружился. Был представлен своему непосредственному руководителю, старшему мастеру Василию Васильевичу, познакомился с мастером Пурышевым и воспитателем Мищенковым. После обеда я вернулся в гостиницу и в соседнем номере обнаружил приехавшего Володю Баранова.

Баранчик, так все его звали в техникуме, был самым худым и маленьким в нашей группе. Учился он средне и был активным, веселым парнем, непререкаемым участником всех вечеринок и сабантуев, походов с палатками по Карельскому перешейку. Мы дружили, но наша группа 9 в техникуме была очень сплоченной, веселой и спортивной.

К концу обучения Володя вытянулся, повзрослел, но худоба осталась. Мы обнялись, ведь не виделись более двух месяцев, и я ввел его в курс дела.

Когда я привел Баранчика в ПТУ, нас вновь встретили улыбками. Если ко мне уже начали привыкать, то мой друг вызвал у бухгалтера возглас:

– Каких молоденьких стали присылать!

Я поинтересовался у директора, что все-таки будет с нашим жильем. Пока ничего не получается, ответил Сергей Александрович. Спустя несколько месяцев кто-то из работников училища сказал по секрету, что была подготовлена комната для двух специалистов, но нам это жилье не дали. Просто, что называется, «прокатали». В итоге мы вынуждены были снимать комнату в деревянном доме по адресу улица Кузнецова 108. Замечательные хозяева, пенсионеры, состоящие на партийном учете в ПТУ 8, должны были, по замыслу директора, приглядывать за нами. Правда, за это жилье мы должны были платить 18 рублей в месяц из зарплаты. Мне дали оклад 100 рублей, а Баранчику 82. После вычета налогов оставалось совсем немного, ведь в Ленинграде у меня доходило до 150. Естественно мы объединили наши доходы вместе.

В конце рабочего дня стали прибывать первые ученики. Мы помогали их оформлять, ставили на довольствие, расселяли по комнатам общежития. Наверное, я не готов был еще стать для этих мальчишек «отцом родным», как напутствовал меня директор, но старался позаботиться о ребятах. Посмотрел оценки в аттестатах, и у нескольких ребят не было троек, а только хорошие и отличные оценки. Почти все помогали у себя дома в клубах и домах культуры местным киномеханикам, знали основы будущей профессии, и, как говорил начальник управления кинофикации, прошли конкурсный отбор, прежде чем быть зачисленными на обучение.

На следующий день директор проводил совещание, на котором объявил, что сентябрь месяц все учащиеся будут работать в колхозах. Мастера выезжают в район и распределяют учащихся по бригадам. Все заработанные деньги должны быть переданы в фонд училища.

Первого сентября к училищу подъехал грузовик и, разместив в кузове ребят, выехали в Мошенской район. До Починной Сопки был асфальт, а затем до районного центра Мошенское шла хорошая гравийная дорога. После райцентра через несколько километров показалась центральная усадьба колхоза. Встретил председатель и стал распределять учащихся по 5—7 человек в отделения или бригады. Усадьбы находились в 4—5 километрах одна от другой. Передав всех ребят в распоряжение бригадиров, я получил заверения председателя, что он принимает учащихся не первый год, все подготовлено для проживания и питания и я могу не беспокоиться. Если будет желание проверить, то можешь это сделать в любое время, добавил он. Вернувшись в райцентр, я уехал в Боровичи на рейсовом автобусе, запомнив расписание.

2 сентября из Новгорода прибыл грузовик, который привез новый комплект киноаппаратуры для монтажа в общежитии училища, где был небольшой актовый зал мест на 150. Также нам привезли большое количество разнообразной списанной аппаратуры для практических занятий. Здесь были передвижные установки Украина и КН, стационарные кинопроекторы КПТ и много всего другого оборудования, включая усилители, выпрямители, динамики. Для помощи мы оставили учащегося Антонова, который был старше нас, ему было 20 лет, и он уже давно работал самостоятельно, правда, не имел удостоверения. За пару дней мы расставили оборудование, учебные столы и стулья, натерли полы и подготовили свое место работы. После этого мы с Баранчиком, по очереди съездили домой, чтобы навестить и успокоить родителей, а также забрать из дома конспекты и литературу.

Директор с удовлетворением наблюдал, как мы оборудовали кабинет, класс для занятий, вели монтаж киноустановки в общежитии. Как-то он напомнил мне, что надо проехать в колхоз и навестить ребят. Ранним утром я сел на первый автобус и добрался до Мошенского. Теперь мне предстояло пройти несколько километров до центральной усадьбы. Скоро меня догнал грузовик, в кабине которого были три строителя, а в кузове гора стройматериалов. Они ехали в центральную усадьбу, строить здание магазина. Как мы смогли разместиться вчетвером в кабине ЗИСа, я не представляю. Председатель был на месте и успокоил меня, сказав, что ребята работают хорошо, и я могу их навестить. В качестве средства передвижения он пред-

ложил мне лошадь. Чтобы не ударить лицом в грязь, я не смутился, сел на лошадь и поскакал первый раз в своей жизни. Задница моя билась об седло, грудь пригнулась к холке лошади, а ноги, через некоторое время, стали как деревянные. Со стороны я являл собою убогое зрелище, но до первой бригады доскакал довольно быстро. Встретил ребят и побеседовал с ними. Вопросов не возникло, так как эти мальчишки с детства занимались дома трудом, росли, помогая в работе своим родителям и ничего для них нового в этой работе не было. Побывал еще в нескольких бригадах и везде застал нормальную рабочую обстановку. Стало смеркаться, все-таки была уже середина сентября, а у меня еще оставался последний переход к дальней бригаде. Внезапно стемнело, дорога стала едва различима, кругом шумели деревья, похолодало. Лошадь замедлила ход, а потом остановилась. Я слез с лошади. Луна была полностью закрыта тучами, лес шумел и ни одного огонька вокруг. Взяв коня за уздечку, и едва различая дорогу, я двинулся вперед. Ноги, бывшие весь день в напряжении, болели, ныла спина в пояснице. Впереди оказалась развилка. – Куда идти? Показалось, что лошадь потянула влево. И правда, через несколько минут показался огонек и я пошел быстрее. Только теперь я почувствовал, как сегодня устал. Из дома вышла женщина и пошла мне навстречу. С удивлением смотрела она на столь позднего путника. Забрала у меня лошадь и показала на дом, где были ребята. Войдя в него, я увидел своих мальчишек. Все пятеро они лежали на полатах и мирно беседовали с хозяином. Мне дали чего-то поесть и через несколько минут я уснул до самого утра.

В деревне просыпаются рано. На завтрак хозяйка налила всем по кружке молока с хлебом и я, вместе с ребятами отправился в поле. Мы работали до обеда, затем нас покормили, и я умудрился даже немного поспать. Лег ничком в траву, под голову подложил пиджак и моментально отключился. До сих пор не мог отойти от вчерашней скачки на лошади. Проснулся и увидел, что ребята вновь приступили к работе. Они все были замечательными, дисциплинированными, деревенскими пацанами, которых не надо было контролировать и мне ничего не оставалось, как отправиться в Боровичи. Я попрощался с приютившими меня хозяевами, которые обещали переправить лошадь, пожал руки ребятам и отправился к центральной усадьбе. Дорога заняла немногим более часа, стало темнеть, и идти в Мошенское на автобус было поздновато. Я нашел дом, в котором жили строители магазина. Это была заброшенная изба рядом с кладбищем. Долго стучался в дверь и ждал, пока мужики откроют. Они были естественно пьяными, но все-таки открыли и впустили. В доме даже нашлась лишняя раскладушка, на которой я и провел ночь. Ранним утром уехал на попутной машине в Мошенское, а оттуда в Боровичи. Так закончилась моя поездка в колхоз, повторять которую в дальнейшем у меня не было никакого желания. Все оставшееся до учебы время, я провел в Боровичах. Вместе с Баранчиком мы вновь открыли наши техникумовские конспекты и стали готовить планы занятий. Киноаппаратную в общежитии смонтировали, учебный класс и лабораторию кинооборудования проверили директор с заведующим учебной частью. Оба остались довольны нашей работой. Все было готово к началу занятий.

Заканчивался сентябрь, и пришла пора забирать ребят из колхоза. В назначенное время я приехал на центральную усадьбу. Все ребята уже собрались и были готовы к отъезду. Перед посадкой в машину я попросил у бухгалтера ведомость, в которой отражались заработанные суммы денег. Затем приказал ребятам сдать эти деньги мне. Такое было указание директора Ильина. Невелики были их заработки. После вычета за питание они составляли от трех до пятнадцати рублей. Ведомость и сто семьдесят рублей я отдал директору. Как потом узнал, ни один из мастеров не сдал ни копейки. Ответ их был одинаков – « Не заработали!»». До сих пор я не могу себе простить этого глупого поступка. Отнял у ребят честно заработанное. Стыдно!!! О дальнейшей судьбе этих денег можно только догадываться.

Учебный год начался с торжественной линейки. Выступили директор, завуч, воспитатели. Были представлены и мы с Баранчиком коллективу преподавателей и сотрудников училища. Затем все разошлись по классам и начались учебные будни. Не могу сказать, что с пер-

вого дня все стало получаться, но в техникуме у нас были очень хорошие преподаватели и мы, вспоминая их, с каждым днем набирались опыта. Особенно нравились ребятам практические занятия, когда на столах расставлялись кинопроекторы и мальчишки получали возможность разобрать любой узел, механизм, отрегулировать лентопротяжный тракт, настроить проекционную оптику. Отвечая на вопросы наших учеников, мы смогли убедиться в том, какие глубокие знания получили в кинотехникуме. Огромное спасибо нашим преподавателям!

В меньшей степени ребятам нравились занятия по слесарному делу, где им нужно было учиться действовать молотком, зубилом, напильником. Я попытался попросить старшего мастера, чтобы он поручил проведение этих занятий более опытным специалистам, но получил вежливый отказ. – Ты за это деньги получаешь! – ответил Василий Васильевич. И он был абсолютно прав. Кому охота возиться с моей группой? Теорию преподавал Баранчик. Однажды его занятие посетил директор. Сергей Александрович хорошо отозвался о моем друге, отметив знание им предмета и то, как Володя сумел заинтересовать ребят и добился активности в ответах на вопросы. После такой похвалы Баранчик загордился, и с удвоенной энергией стал относиться к работе. Я пошутил, заявив, что у него открылся педагогический талант и пора поступать в пединститут. Кстати, в Боровичах ежегодно работала выездная приемная комиссия из Новгородского вуза, в состав которой входил Сухарев – преподаватель училища. Однажды за рюмкой чая он пообещал нам содействие в поступлении в институт. Эта идея нам понравилась, и мы стали ходить на курсы подготовки в ВУЗ. Занятия по физике и математике проводились два раза в неделю после работы в техникуме, расположенном на Ленинградской улице.

В субботу и воскресенье, если не были задействованы в дежурстве по общежитию, мы ходили на танцы в Дом культуры комбината огнеупоров. Городская молодежь ходила в районный и городской ДК. Также народ веселился в Лектории. Это было непривлекательное место, рядом с кладбищем и туда приходила не лучшая часть местной молодежи. На танцах мы познакомились и подружились с нормальными ребятами, которых я помню до сих пор. Это брат и сестра Кирсановы. Николай учился в одном из ленинградских институтов, а Ольга преподавала в музыкальной школе. Матвеевы брат и сестра. Он был вратарем местной команды по хоккею с мячом, выступал на первенстве страны. Помню Володю Рабиновича, Володю Смоленова – превосходного музыканта, Юру Малина, Борю Семенова, у которого часто бывали дома на улице Мира 72. Пили фруктовое вино и дешевый портвейн, слушали музыку Битлз, Элвиса, Рея Кониффа, Бич Бойз. Магнитофон я привез из дома.

Я упоминал, что наша зарплата была невелика. В столовой общежития нам удавалось пообедать за скромную символическую плату, а завтракали и ужинали мы в городских столовых либо в пельменной на улице Подбельского. На питание уходила значительная часть наших доходов. В день полочки мы могли шикануть и позволить себе обед в ресторане «Мста». В обед стоимостью два рубля входили – солянка, отбивная свинина с гарниром, кофе с пирожным и мороженое. Это был праздник души. Пару раз посетили ресторан, расположенный в центре, недалеко от «веселого угла» на улице Коммунарной. Запомнилось, как называли его местные жители – Аддис Абеба. Позднее, были на открытии ресторана в Вельгии. В самом центре города в 1965 году развернулась стройка двухэтажного здания универмага, который открыл свои двери летом следующего 1966 года. В городе часто гастролировали столичные артисты, выступавшие в ДК огнеупоров. Остались в памяти концерты Гелены Великановой, Ободзинского, Бена Бенедианова.

Расположение Боровичей в непосредственной близости от двух столиц – Москвы и Ленинграда провоцировало местных жителей на отъезд из города. – Мы живем в тупике, в аппендиксе, часто приходилось слышать от моих друзей. И многих я в дальнейшем встречал в Ленинграде. Мы сталкивались на улице, в транспорте, кафе. Это были случайные встречи. Мир удивительно тесен и об этом я когда-нибудь напишу. С Семеновым Борей мы встретились на моей работе. Институт железнодорожного транспорта, в котором он тогда учился на послед-

нем курсе, отмечал дату своего образования. Мероприятие проводилось в стенах Дворца культуры Капранова. Мы буквально столкнулись спустя пять лет. Было что вспомнить и рассказать друг другу.

Но вернемся в 1965—66 годы. Что нас интересовало тогда? Разумеется, музыка, книги, фильмы, спорт. Я занимался настольным теннисом, баскетболом, шахматами. В спортзале училища увлекся поднятием штанги и в дальнейшем, во время службы в армии выполнил норматив первого разряда. По инициативе преподавателя физкультуры Кормишева Евгения Яковлевича в первенстве училища по баскетболу приняла участие команда, составленная из преподавателей и мастеров. Гена Губин, Матырин, Петров и мы с Баранчиком бились на площадке с нашими молодыми соперниками. Сохранил теплые воспоминания о нашем старшем товарище Евгении Яковлевиче. Потеряв на войне руку, он продолжал заниматься спортом, и был чемпионом города по конькам.

Остался в памяти день выборов в Верховный Совет СССР. В ПТУ располагался один из избирательных участков. Были установлены кабины для голосования, развешена наглядная агитация, лозунги. Нам было поручено музыкальное обеспечение. Выбор мелодий мы осуществили в соответствии с нашим вкусом. В назначенное время из кинаповского динамика, выставленного в окно второго этажа, базарная площадь огласилась рок-энд роллом в исполнении Элвиса Пресли. Эта какофония продолжалась часа полтора, и лишь после появления директора я включил спокойные мелодии Рея Кониффа.

К началу нового 1966 года мы полностью освоились на работе, втянулись в учебный процесс и наша жизнь упорядочилась. Познакомились с техническим руководителем кинотеатра и организовали экскурсию группы в аппаратную. Нам даже предложили работу по вечерам, так как киномехаников не хватало, но директор совместительство не разрешил. По его мнению, это могло отразиться негативно на учебном процессе. На празднование Нового года я отпустил Баранчика в Ленинград к родителям, а сам остался в Боровичах. Директор отпустил только одного из нас. Не вся группа разъехалась по домам на каникулы. Часть ребят осталась в общежитии, и надо было их контролировать. Новогоднюю ночь я весело провел с друзьями в ДК огнеупоров.

В дни зимних каникул руководители областного профтехобразования устроили в Новгороде семинар повышения квалификации. Автобус с педагогами, мастерами и воспитателями училища выехал рано утром. Нам рассказали старшие товарищи, что это замечательное мероприятие проводится каждый год. Под это дело были выданы командировочные, поэтому у некоторых педагогов с собою уже было кое-что взято. Пить начали сразу, а затем делали остановки по всей трассе Боровичи-Новгород. Удивил ассортимент импортного алкоголя в магазине поселка Пролетарский, где мы прикупили бутылку ликера. Наши коллеги предпочитали "Столичную». Потом начались песни, с которыми и прошел оставшийся путь. Привезли нас в общежитие, куда стали съезжаться участники семинара. До вечера было еще много времени, и мы пошли погулять по городу. Многие наши товарищи остались на месте и продолжили праздновать открытие семинара

Побродив по центральной части города и полюбовавшись историческими памятниками, мы зашли в ресторан «Ильмень», где культурно провели время. Замечательный обед и выпитая бутылка принесенного с собой ликера придали нам превосходное настроение. Вернувшись в общежитие, застали апогей празднования. Кто-то из нашей делегации уже забылся глубоким сном, но более крепкие продолжали куролесить. Погуляли настолько здорово, что на следующий день, руководитель отдела профтехобразования в своем вступительном слове, особо отметил одного из наших коллег. С семинара мы возвратились усталые, довольные и полные новых впечатлений.

В то время, а это была середина шестидесятых годов, в Боровичах было достаточно много хулиганов и отморозков. Приходилось сталкиваться с некоторыми из них. Не раз мы прини-

мали участие в разборках и драках. Они могли возникнуть буквально на ровном месте. Достаточно было неосторожно сказанного слова и даже взгляда, чтобы вызвать негативную реакцию, переходящую в стычки. Известными хулиганами в городе были Краснов и Грунев, которые любили помахаться кулаками. Встретить их можно было в городском и районном Домах культуры. В ДК огнеупоров собиралась публика посolidней, а для совсем «отмороженных» существовал Лекторий.

К концу зимы наши учащиеся практически освоили всю имеющуюся в нашем распоряжении киноаппаратуру и показывали достаточно уверенные теоретические знания. Мы могли не сомневаться, что предстоящие летом экзамены, наши ученики успешно сдадут. Такого же мнения были и директор с завучем. Но в нашу размеренную жизнь вмешалось непредвиденное событие. Первого апреля на мое имя пришла повестка из военкомата, и это не было первоапрельской шуткой. Не смотря на то, что девятнадцать лет мне должно было исполниться лишь 25 июня, на 12 апреля была назначена отправка в ряды вооруженных сил. Напомню, что в те годы в армию призывали с 19 лет. В военкомате объяснили, что это будет спецнабор в Германию. Директор училища не стал за меня ходатайствовать, так как понял – мой друг справится и один. Конец всем надеждам на институт, экзамены в который я не дождался и на долгие три года буду оторван от нормальной жизни. Пришлось смириться с судьбой. В училище мне оформили увольнение, дали пособие в размере оклада, попрощался с мамой, отгулял на отгуальной с друзьями и товарищами по работе. Накануне отправки пошел в парикмахерскую и попросил побрить голову. 12 апреля 1966 года в 7 часов утра автобус отъехал от здания военкомата города Боровичи.

Автобус с тремя десятками призывников направлялся в Новгород. Знакомая трасса, по которой не так давно ехали с веселыми песнями и шутками, сегодня была для меня дорогой в неизвестность. Все мы были невыспавшиеся, угрюмые и сосредоточенные. В этот раз уже не было остановок у магазинов, да и пить утром никакого настроения не было. Через два часа автобус подкатил к военному госпиталю, и врачебная комиссия приступила к осмотру новобранцев. Мы переходили из одного кабинета в другой, а на финише всех ожидала беседа с начальником медкомиссии – немолодым «товарищем полковником». Он предложил мне сесть и стал просматривать личное дело. Сегодня, спустя пятьдесят лет, я не смогу воспроизвести весь наш разговор. Помню, как говорил о том, что призыв сломал все мои планы на будущее, на учебу в институте. В эти слова я вложил всю горечь и отчаянье от того, что оказался в таком безвыходном положении. Мне очень захотелось перед кем-нибудь высказаться, и этот человек оказался идеальным слушателем. Полковник, не прерывая меня, продолжал что-то писать, и никаких вопросов не задавал. Потом, подняв голову, улыбнулся и спросил: – Значит, учиться хочешь? Так и быть! Учись!

Я не сразу понял, что он меня отпускает. Неужели я свободен? Вернусь домой, в Ленинград! Обязательно поступлю в институт! Ведь мама так мечтала, чтобы я получил высшее образование.

Мне дали документ для бесплатного проезда на поезде в Боровичи, вернули приписное свидетельство и обязали явиться в военкомат, чтобы там сделали соответствующую отметку в документах. Ночью, лежа на вагонной полке, я предавался мечтаниям о новом периоде в моей жизни. Но судьба распорядилась иначе.

Поезд прибыл в семь часов утра, а в девять я стоял перед знакомым капитаном в отделе работы с призывниками. – Теперь поеду домой! – поделился радостью с офицером. – С работы уволился и ничего меня теперь в Боровичах не держит! Он что-то записал, поставил штамп и вернул мне приписное свидетельство.

Как обычно, у входа в военкомат стояли мальчишки и курили. Я попросил сигарету, затянулся и подставил лицо яркому весеннему солнцу. Поезд до Угловки отправлялся в 14 часов, а там можно было и на перекладных электричках до Ленинграда. Бежать бы мне отсюда сломя

голову, куда угодно, хоть на попутных машинах или на автобусе, пока я свободен. Но я стоял на крыльце военкомата, курил, наслаждался свободой и мечтал.

Капитан появился неожиданно. – Я забыл проставить сегодняшнее число в твоём документе. Дай-ка мне на минутку твоё приписное свидетельство!

Ничего не подозревая, я протянул ему документ.

– Значит так! – произнес он. – Я позвонил в училище, директору. Он передает, чтобы ты шел на работу. Он тебя ждет.

Я потерял дар речи. – Но я ведь уволился. Там справятся без меня!

Ничего не могу сказать! Иди в училище, там тебя ждут! – настаивал капитан, продолжая держать в руках мое приписное свидетельство.

Понуро опустив голову, я поплелся к месту работы. Гладко выбритая, как у Юла Бринера – героя «Великолепной семерки», голова блестела в солнечных лучах.

Только теперь я понял, что из Новгорода мне надо было сразу ехать домой в Ленинград и не давать о себе никаких сведений. Образно говоря, лечь на дно.

В училище меня встретили подначками и усмешками, но за пару дней привыкли. Мы продолжали работать, занимали ребят разборками аппаратуры, рассказывали о оборудовании, которое применялось в широкоформатном кинопоказе, еще не шагнувшем в областные города. Иногда на уроках откровенно тянули время, отпускали мальчишек домой навестить родителей в выходные, не наказывали за опоздания. К майским праздникам программа обучения, в основном была выполнена

Мой несостоявшийся призыв в армию, вызвал у меня апатию и безразличие к работе и всему происходящему. Конечно, я продолжал ходить в училище, проводил занятия, дежурил по общежитию, но прежнего энтузиазма не было. Но самым печальным было то обстоятельство, что мы здорово увлеклись алкоголем. Нет, в училище мы, разумеется, не появлялись в непотребном виде, но в свободное время позволяли себе расслабляться. И последствия этого не заставили долго ждать.

Это произошло в самом конце апреля. Мы отмечали день рождения одного из наших друзей. Вышли освежиться на улицу и направились к магазину, расположенному в центре. Когда наша веселая компания вошла в магазин, это не могло понравиться работающим продавцам, Кто-то из вошел с незатушенной сигаретой. Нам сделали замечание – мы грубо ответили. Через считанные минуты подъехала милиция, и мы оказались в отделении.

Второй раз в жизни я оказался в камере / см. «Моя любовь – велосипед»/. Каменные стены и пол, зарешеченное окно и деревянный настил, на котором могут лежать пять человек. Отчаяние мое было настолько велико, что я начал остервенело колотить в железную дверь. Открывший дверь сержант, приказал мне снять ботинки. Настроен он был решительно и по его виду я понял, что следует подчиниться. Успокоился и улегся спать.

Наутро, все задержанные за вчерашний день, стояли перед «товарищем майором» – начальником отделения милиции города. Он предпочитал лично знакомиться с контингентом нарушителей. Это была заметная в Боровичах фигура по фамилии Барулин. Нас он направил к мировому судье. Через весь город, повели в сопровождении милиционера на суд. Учитывая наше раскаяние и то, что это первый случай, меня и Баранчика судья простил, но сообщение в училище направил. Двум нашим друзьям назначил штраф.

Это происшествие стало предметом разбирательства в училище. Нас осудили на педагогическом собрании. Это был самый настоящий товарищеский суд. Многие нам сочувствовали. Иван Андреевич Сухарев – один из авторитетных преподавателей, который нам симпатизировал, посетовал, что не позвонили ему. Он бы сумел вытащить нас из отделения. К сожалению, этот случай не стал незабываемым уроком для нас, и последствия для меня были печальные.

Приближался праздник 1 Мая. Установилась теплая погода, и я заскучал по своему любимому велосипеду. Захотелось погоняться по дорогам области, проложить новые маршруты,

открыть для себя природу Новгородской земли, реки, озера. Я рассчитывал, что занятия велосипедом помогут мне бросить употребление алкоголя. Надо сказать, что мой друг Баранов Володя не на шутку загулял с Матвеевой Катей-симпатичной местной девушкой. Все чаще он бывал у нее дома, ночевал, и Катина мама, пока, в шутку, называла его зятьком. А я все чаще оставался вечерами один, меня одолевала хандра и найти себе какое – нибудь занятие не мог. Мы с Баранчиком встречались на работе, ходили по выходным в клуб огнеупоров на танцы, но самым печальным был тот факт, что я бросил готовиться к поступлению в институт. Сегодня, спустя пятьдесят лет, я жалею, что не нашел в себе настойчивости и не сел серьезно за учебники. После апрельского призыва в армию, закончившегося для меня так неожиданно, я не сумел взять себя в руки. Мной овладела апатия и безысходность. Я просто плыл по течению. Теперь я понимаю, что в этом возрасте все-таки необходимо присутствие рядом мамы и отца, которые могли бы подсказать или просто посоветовать, не делать ошибок. Но отца у меня не было, а мама была в Ленинграде. Я был полностью предоставлен себе и наслаждался свободой.

В последний выходной день апреля я съездил домой, навестил маму, которая одна воспитывала девятилетнюю дочку мою сводную сестру. Отчим ушел от нас пять лет назад, и мама осталась тогда со мной и моей маленькой сестренкой. Именно он настоял на том, что бы я после седьмого класса пошел учиться в техникум, получил профессию и стал бы приносить деньги в семью. Отчима не устраивала перспектива кормить и одевать чужого ребенка и ждать, пока я окончу среднюю школу и институт. А ведь учился я без троек, и первые пять классов окончил круглым отличником.

Из этой поездки я привез в Боровичи велосипед и свободными вечерами гонялся по окрестностям города и близлежащим деревням. В один из майских выходных дней совершил велосипедную прогулку на Валдай. Стартовал рано утром, ведь мне предстояло за этот день проехать около 170 километров / Расстояние от Боровичей до Валдая 83 км /. Хорошее асфальтированное шоссе, жаркая почти летняя погода создавали отличное настроение. Мелькали километровые столбы, дорожные указатели подсказывали названия населенных пунктов. Через час с небольшим я проехал через железнодорожную станцию Лыкошино. Здесь шоссе проходило под мостом и пересекало железную дорогу Москва – Ленинград. Рядом с шоссе мальчишки играли в футбол и с удивлением проводили взглядами одинокого велосипедиста. В одном из пацанов успел узнать учащегося ПТУ и приветствовал его взмахом руки. Я продолжал равномерно крутить педали и поддерживал приличную скорость, как вдруг обнаружил, что меня окружила стая оводов. Они не отставали, влекомые запахом пота и пытались сесть на мои оголенные руки, ноги и лицо. Я резко нажал на педали, пытаюсь развить максимальную скорость и оторваться от стаи, но тут произошла авария. С велосипедной звездочки соскочила цепь. С ужасом представил, что сделают со мной слепни, пока я буду поправлять цепь. Я стоял на дороге, махал руками и не знал, как выйти из этого положения. Выручил меня проезжавший мотоциклист. Он отгонял назойливых оводов, пока я регулировал цепь. Поблагодарив его, я прыгнул в седло и развил рекордную скорость. Оторвавшись от стаи, я долго не мог восстановить нормальное дыхание.

Машин на дороге было мало, и я любовался окружающей природой. Леса сменялись бескрайними лугами, промелькнули поселки Едно и Шуя. Впереди показались строения районного центра Валдай – цель моего путешествия. Я выехал на трассу Москва – Ленинград и немного прокатился по главной дороге нашей страны, движение по которой было достаточно интенсивным. Достигнув конечной точки своего маршрута, перед тем как отправиться в обратный путь, я осмотрел ряд исторических зданий. Произвел впечатление собор святой Троицы, здание музея уездного города.

На обратном пути я не мог проехать мимо Валдайского Иверского монастыря. Это настоящая жемчужина Валдая, который расположен в необычайно красивом месте. Я долго любо-

вался величественным зданием храма и комплексом монастырских зданий. Вот уж действительно, предки умели строить и находить живописнейшие места для храмов и монастырей! Чистейшее Валдайское озеро окружало остров, и я с удовольствием искупался в прохладной воде. Для подъезда к храму был наведен мост из понтонов, что меня несколько удивило.

Обратный путь дался труднее, так как сказывалась усталость. Тяжелее преодолевал подъемы, ведь недаром Валдайскую возвышенность называют «маленькой Швейцарией». Часть моего пути пролегла по Тверской области, а потом я снова въехал в Новгородскую. На границе двух областей располагалось озеро Пирос, про которое мне много рассказывали любители рыбалки. Последние тридцать километров до Боровичей были самыми трудными, но около семи часов вечера я был дома.

Эта прогулка не была чем-то из ряда вон выходящим, ведь в моем «послужном списке» значились велосипедные путешествия из Ленинграда в Нарву, Выборг и Лугу. Поездка в Валдай показала, что за зиму спортивную форму я не растерял.

Наша преподавательская работа шла по выработанному распорядку. В 9 часов утра построение всех учащихся, информация директора или завуча, затем занятия в классах и мастерских. По понедельникам оперативное совещание в кабинете директора. Вечерами я иногда дежурил по общежитию в соответствии с графиком.

В июне погода стала по – настоящему летней и жаркой. Вода в Мсте прогрелась, и открылся купальный сезон. В выходные дни пляж у моста был заполнен отдыхающими. Заработала летняя танцплощадка, или как ее называли «пяточок», на правом берегу реки. В один из выходных дней наша веселая компания выбралась с палатками к красивому озеру, расположенному недалеко от города. Взяли в прокате резиновую лодку и катались по озеру, жгли костер, пытались ловить рыбу. Время провели замечательно. Тогда я и не представлял, какие неприятности ожидают меня в самое ближайшее время.

Я навсегда запомнил воскресенье 19 июня 1966 года. Прокатился на велосипеде несколько километров до деревни Волгино, где в местном магазине удавалось купить импортные рубашки, приличный материал на брюки и какие-нибудь дефицитные товары. В те годы магазины, расположенные в районных центрах и поселках, имели ассортимент товаров, который невозможно встретить в городских универсамах. Эти магазины относились к так называемой потребкооперации. В этот раз мне удалось приобрести бутылку финского ликера.

Этот ликер мы распили перед походом на «пяточок». Народу на танцплощадке было много. Как всегда играл оркестр, в котором на барабанах стучал наш приятель Булин, а на саксофоне «дудел» Володя Смоленов, превосходный музыкант «от бога», освоивший все инструменты. Оркестр играл современные мелодии танго, твист, шейк. Разгоряченная публика лихо отплясывала и аплодировала музыкантам. В один из моментов я отошел с ребятами покурить. Злостным курильщиком я не был, но если только ради компании. Погасив окурочек, я бросил его на землю и затушил ногой.

В этот момент ко мне подошел начальник добровольной народной дружины. Это был директор стадиона комбината огнеупоров с запоминающейся фамилией Апсов. С этим молодым мужчиной лет 30—35 мы были немного знакомы. Бывает в жизни так, что с первой встречи испытываешь к человеку негативное отношение. Оно может отражаться во взгляде, пренебрежении, еще каких-то поступках. Так было и с Апсовым. Ему не нравилась наша с Володькой модная одежда, независимое поведение, в его глазах сквозило презрение к этим выскочкам из Ленинграда. Наконец у него появился повод проучить одного из нас.

Он подошел ко мне и потребовал поднять окурочек. Немного поколебавшись, я выполнил его приказание. Удовлетворенный руководитель народной дружины усмехнулся и сказал окружающим ребятам что-то оскорбительное в мой адрес. Пропустить это я не смог, предложив ему пройти и побеседовать вдвоем с глазу на глаз. Я шел первым и не заметил, что Апсов подавал знаки своим дружинникам. На выходе меня подхватили милиционеры и бросили в дежурную

машину, а через пять минут я оказался в отделении. Положение мое становилось серьезным, и я сделал попытку убежать из милиции. Выбрав момент, когда менты отвлеклись, я рванул к двери, но бдительный сержант успел сбить меня с ног. Я снова, как и два месяца назад, оказался в камере предварительного заключения.

Наутро, в понедельник 20 июня, все задержанные стояли перед майором Барулиным, а затем в сопровождении милиционера отправились в городской суд. Судья предложила мне выбор, штраф 50 рублей или 15 суток. Я, естественно, выбрал штраф. Идти на работу в училище никакого желания не было, я ругал себя последними словами, и мне было стыдно показаться перед преподавателями и директором. Ноги сами привели меня к зданию военкомата. Знакомый капитан встретил меня с улыбкой. Ничего не рассказывая ему, я попросил забрать меня в армию. Капитан без слов выписал повестку о призыве через неделю.

Моя судьба была решена.

Предъявив директору повестку, я попросил уволить меня как можно быстрее. Сергей Александрович не стал меня задерживать и через полчаса я уже ехал на автобусе в аэропорт города Боровичи, расположенный в районе Гверстянки. Отсюда летали самолеты АНТ-2 в аэропорт Смольное под Ленинградом. Вечером я уже был дома.

Оставшиеся до отправки в армию несколько дней я провел с мамой и сестренкой, гуляя по любимому городу и прощаясь с ним. В воскресенье из аэропорта Смольное вылетел в Боровичи. Мне нравилось летать на «кукурузниках» и глядя в иллюминатор ощущать себя летчиком, который ведет свою машину на бреющем полете. С высоты около 200 метров, было интересно наблюдать бескрайние леса, реки и озера Ленинградской и Новгородской областей. Захватывало дух от этой потрясающей картины.

Рано утром в понедельник автобус с призывниками мчался по Московскому шоссе к сборному пункту, расположенному под Ленинградом в городе Пушкине. А на следующий день эшелон с новобранцами отошел от городского вокзала в северном направлении. Помню только, что мне было абсолютно безразлично, куда мы едем, что со мной будет дальше происходить. Начинался новый период моей жизни.

P.S. Через некоторое время, я получил письмо от Володи, что экзаменационная комиссия, во главе с директором Новгородского управления кинофикации, осталась довольна уровнем подготовки наших учеников. Все они успешно сдали экзамен и получили удостоверения квалифицированных киномехаников.

Служба в Заполярье

Так получилось, что именно в день моего рождения 25 июня 1966 года, я был призван в ряды Советской Армии. В этот день от вокзала города Пушкина отошел эшелон с новобранцами в северном направлении. Несколько дней в дороге, по девять человек в купе и мы в Мурманске. Построенных в длинную колонну новобранцев повели в морской порт. Надо сказать, что часть призывников отсеклась в населенных пунктах Кандалакше, Мончегорске, Оленегорске, а нас посадили в Мурманске на пароход «Илья Репин». Это был один из последних рейсов легендарного двухпалубного судна, построенного на верфях Германии в 1927 году. Куда нас везут, сопровождающие офицеры не говорили. Ходили слухи, что плывем к Новой Земле.

В открытом море началась сильная качка, корабль переваливался с борта на борт, то вскарабкивался на волны, то падал вниз, дул сильный холодный ветер. Не помню, чем нас кормили в дороге, но все «харчи» улетели за борт. Через пару часов такого плавания пассажиры корабля как будто вымерли и лежали на койках. Так мы шли два дня и, наконец, стали причаливать к берегу. Скалы, каменные утесы, бедная растительность и сильный пронизывающий холодный ветер. Такой я впервые увидел Гремиху.

На берегу нас встречали военные в шинелях. Пошел снег. Многие из призывников были в рубашках, ведь мы уехали из Ленинградского лета, но попали в зиму. А ведь это начало июля! Всех посадили в кузова грузовиков, машины тронулись. Дорога шла по поселку мимо морских причалов, затем по тундре и минут через двадцать мы въехали на территорию полка ПВО, в котором мне предстояло служить три года.

Гремиха... База атомных подводных лодок Северного флота. Причалы, ремонтная инфраструктура, штаб, казармы, жилые дома для офицеров и их семей, почта, магазины. Также был клуб на 400 мест и бассейн.

Полк располагался в сопках на побережье. Один из дивизионов стоял на острове, который носил имя царского министра Витте. Этот остров удачно закрывал бухту со стороны моря. Другой дивизион был на полуострове Святой Нос, а остальные в пяти километрах от Гремихи. Ракетчики прикрывали базу от самолетов предполагаемого противника, время подлета которых к нашим границам составляло буквально минуты.

Командиром полка был Прудников, начштаба Петрик, начальник политотдела Горбань. Запомнил офицеров Глотова, Гусева, Щеголева, Маслова, Опацкого, Михайлова, Липчанского, Соплякова, Фомина – командира хоззвода, в котором я служил. Офицеры и их семьи жили на территории части в двух четырехэтажных домах. Был у нас и небольшой мест на 100 клуб, в котором показывали кинофильмы, проводились праздники и собрания. Имелся зал для занятий спортом. Теплом нас обеспечивала собственная котельная, а для улучшенного питания – свиноферма. Кроме перечисленного полк располагал катером с экипажем 4 чело-

века, для связи с островом Витте и Святым Носом. В штормовую погоду на Святой Нос добирались на гусеничном тягаче.

Два раза в неделю в Гремиху приходил теплоход с Большой земли из Мурманска и Архангельска. С 1966 года, отслужившего свой срок «Репина», сменил красавец теплоход «Вацлав Воровский». Демобилизоваться на этом корабле – это была мечта каждого, кому довелось служить в Гремихе. Для меня она осуществилась в самом конце 1968 года. Вместо трех лет я отслужил два с половиной года, так как вышел приказ о переходе на двухгодичную службу.

Сегодня, спустя почти полвека, я часто вспоминаю этот суровый край с сильными ветрами, красивой природой, северным сиянием

В декабрьском небе красочно зажглись

Полярного сиянья чудо – краски.

Мы на плацу толпою собрались

Открыли рты, и оказались в сказке!

За годы службы в Заполярье, мне довелось проехать по тундре на гусеничном тягаче, ходить на полковом катере по Баренцеву морю и ловить треску. Я побывал в Мурманске, Архангельске и Североморске. Такого обилия ягод и грибов мне не приходилось видеть никогда – они росли прямо за казармой! С той поры я влюбился в природу Русского Севера!

Здесь в Гремихе у меня было достаточно времени, чтобы серьезно подумать над тем, как я жил до службы, и как буду жить дальше!

Служба в заполярной Гремихе

«...Лишь кружком отмечено на карте это место на краю земли...»

Двухпалубный теплоход «Илья Репин», построенный в 1927 году на верфи германского города Шецин, а по репарации в 1945 году переданный СССР, подходил к одному из причалов самой крупной базы Северного флота – Гремихи. Этим рейсом в июле 1966 года на базу прибыло более сотни новобранцев, которым предстояло долгие три года служить в полку ПВО, прикрывающем эту базу от самолетов НАТО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.